

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации

Чекушина Викентия Владимировича

«Автомифотворчество А.Н. Толстого: семантика, прагматика, контекст»,
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.01.01 – Русская литература (Екатеринбург, 2021).

Механизмы функционирования и рецепции писательской биографии в последнее время привлекают все более пристальное внимание литературоведов. Проблема реконструкции индивидуального биографического мифа требует решения большого круга вопросов поэтики, литературного быта и окружения, знания социально-исторического и культурного контекстов, эго-документов и архивных материалов.

Методологически трансформация автобиографического мифа давно и успешно разрабатывается на примере писательских биографий рубежа XIX–XX вв., поэтому обращение Чекушина В.В. к проблеме авторской концепции творческой личности на примере литературы советского периода заслуживает самой высокой оценки.

В диссертации «Автомифотворчество А.Н. Толстого: семантика, прагматика, контекст» представлена попытка реконструировать индивидуальный биографический миф, созданный А.Н. Толстым в 1910–1930-х гг. Цель работы – «всестороннее изучение дискурсивных и поведенческих жестов А.Н. Толстого, направленных на конструирование различных персональных мифов» (С. 21). Для историка литературы это достаточно продолжительный и сложный период в изучении биографии и творчества писателя. Он связан с вхождением Толстого в литературу, его первыми поэтическими и прозаическими опытами, поисками своей темы, обращением к современности (1914–1917), эмиграцией (1919–1923) и последовавшим за ней возвращением на родину. За границами исследования находятся не менее интересные и драматичные страницы жизни и творчества писателя – 1940-е гг.

В работе впервые собран и проанализирован большой и разнообразный в жанровом отношении материал: публицистические статьи, очерки, переписка, мемуары, также упоминаются «автобиографии 1916, 1930, 1944 гг.» (С. 20) и художественные произведения. Представленная в работе довольно обширная источниковедческая база позволяет «описать стратегии и приемы создания Толстым различных персональных мифов на всем протяжении его карьеры» (С. 22), точнее периода 1910–1930-х гг. К сожалению, в первой главе упоминается рукописная тетрадь 1907–1908 гг., озаглавленная «Голубое вино» (в диссертации она некорректно названа «неизданный поэтический цикл». С. 27), но не рассматриваются лирические опыты Толстого «в декадентском духе» (Крестинский Ю.А. А.Н. Крестинский. Жизнь и творчество. (Краткий очерк). М.: АН СССР, 1960. С. 49),

изданный в 1907 г. сборник «Лирика», основу которого составили стихотворения из другой рукописной тетради («Лунные сны», 1906–1907. Подробнее см.: Толстая Е.Д. Ключи счастья: Алексей Толстой и литературный Петербург. М.: НЛО, 2013. С. 32–33), и не приводятся сведения о выступлениях на поэтических вечерах в Париже в 1908 г. в кругу символистов (К. Бальмонта, В. Брюсова, Н. Минского, М. Волошина и др.), важные для понимания автомифотворчества Толстого, так как о них как о своих «триумфах» он писал отчиму (Переписка А.Н. Толстого: В 2 т. М.: Худож. литература, 1989. Т. 1. С. 131). Кроме того, важна тема вхождения Толстого в литературу и оценка его современниками в этот период, а также саморепрезентация Толстого в письмах и статьях более позднего времени, которые «дали основание критикам на веру принять их, создав с их помощью образ писателя, зависимого – творчески, художнически – от наиболее распространенного, массового, так сказать, направления в искусстве», символистского (См.: Крюкова А.М. А.Н. Толстой и русская литература. Творческая индивидуальность в литературном процессе. М.: Наука, 1990. С. 34). В это время Толстой общался с Ф. Сологубом, М. Волошиным, Н. Гумилевым, В. Брюсовым, А. Блоком, Вяч. Ивановым, А. Ремизовым, А. Белым, И. Анненским, Г. Чулковым и др. Как писала А.М. Крюкова, «каждый сюжет имеет свою драматургию развития, сюжетную завершенность, не только хронологическую, разумеется, но смысловую, содержательную» (Крюкова. С. 36).

Во введении автор исследования формулирует причины обращения к личности и творчеству Толстого (ссылаясь, правда, на посмертные высказывания о писателе, принадлежащие В.П. Аксенову (С. 3), Б.Н. Стругацкому (С. 3) и др.). Здесь же даны определения понятиям «жизнетворчество» (С. 13), «автомифотворчество» (С. 16) и представлена попытка их разграничения (С. 17), что заслуживает самой высокой оценки. Теоретической значимости введению и, как следствие, всей работе могло бы придать упоминание о понятии, введенном Б.В. Томашевским, «биографическая легенда». Думается, на степень научной достоверности и практической значимости могли повлиять работы Д.М. Магомедовой о Блоке (Магомедова Д.М. Автобиографический миф в творчестве А. Блока. М.: Мартин, 1997), А.А. Холикова (Холиков А.А. Дмитрий Мережковский: Из жизни до эмиграции: 1865–1919. СПб.: Алетейя, 2010; Его же. Прижизненное полное собрание сочинений Дмитрия Мережковского: текстология, история литературы, поэтика. М.; СПб.: Нестор-История, 2014), а также такие авторитетные труды, как Летописи (Черных В.А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой, 1889–1966. М.: Индрик, 2008; Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: В 5 т. М.: ИМЛИ РАН, 2003–2018; Летопись жизни и творчества И.А. Бунина. М.: ИМЛИ РАН, 2011–), что позволило бы сопоставить исторический контекст, литературное поведение и их рецепцию современниками.

Сложно согласиться с утверждением на с. 13: «В то же время именно осознанное и регулярное конструирование персональных мифов позволило Толстому в течение всей его карьеры регулярно добиваться читательского и коммерческого успеха». Коммерческий успех напрямую зависел от тиражей книг и собраний сочинений, которые выходили при жизни писателя, начиная с 1911 г., как до революции (в издательствах «Шиповник» и «Книгоиздательство писателей в Москве»), так и в эмиграции и Советской России – всего вышло семь собраний сочинений (два из них выходили одновременно в издательствах «ГИЗ» и «Недра»), что сложно объяснить исключительно «регулярным конструированием персональных мифов» (С. 13).

Несомненное теоретическое и практическое значение имеет первая глава «Формирование персонального мифа наследника И.С. Тургенева», посвященная типологическому сходству прозы Толстого и Тургенева и – шире – изучению творчества Толстого в контексте русской классической литературы. Автор диссертации упоминает о прототипах и сюжетах рассказов цикла «Заволжье», основанных на семейной хронике рода Тургеневых, демонстрируя знание литературы об этом предмете, и продолжает намеченное в работе В.П. Скобелева изучение приемов создания женских и мужских образов, генетически восходящих к героям Тургенева. Исследователь убедительно доказывает, что герой «Мишуки Налымова» является «пародийным “двойником” Большинцова, из “Месяца в деревне”» (С. 41), показывает переосмысление ключевых мотивов и образов Тургенева в рассказе Толстого «Дым». Предпринятый анализ позволяет говорить о том, что тургеневские тексты Толстой перенес и на свой публичный образ.

В этом контексте совершенно оправданно привлечение архивных источников: ученической тетради 1899–1900 гг. (ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 16об.–17) (С. 56) и рукописи с автографом рукой Толстого «Мирза Тургень» (Толстой А.Н. Осеннее золото: [рукопись] // ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп.1. Ед. хр. 25). Заметим, что эта рукопись опубликована не была, поэтому вывод исследователя («этот ход позволял Толстому установить прямую связь между собой и Тургеневым-писателем с помощью акцента на родственной связи с легендарным предком, что открывало возможности для конструирования персонального мифа наследника Тургенева» (С. 46)) представляется не совсем правомерным. Необходимо упомянуть о том, что только основанные на детских впечатлениях сказки печатались под псевдонимом «Мирза Тургень» в детском журнале «Тропинка» в 1909 г. (См.: Крестинский. С. 60).

Интересна попытка Чекушина В.В. установить истоки теории жестов, в которой, по словам диссертанта, «Толстой синтезировал теоретические построения театральных деятелей начала XX в. с другими идеями его современников» (С. 57).

Одно утверждение в первой главе базируется на неверно истолкованных фактических и источниковедческих основах, что приводит к ошибкам, перешедшим в другие разделы диссертации: на с. 52 в начале § 1.3 «Преодоление мифа “наследника Тургенева”» встречаются неточности: «Роман “Сестры”, выходивший в 1921–1922 гг., когда Толстой уже жил за границей, положительно оценила практически вся эмигрантская критика». Роман «Сестры», первая книга трилогии «Хождение по мукам», не был опубликован в эмиграции. В 1920 г. (!) первые десять глав романа «Хождение по мукам» были напечатаны в журнале «Грядущая Россия», полностью роман «Хождение по мукам» опубликован в 1920–1921 гг. в журнале «Современные записки». В 1922 г. в Берлине вышло отдельное издание романа «Хождение по мукам» (*Гура И.В.* Три редакции романа А.Н. Толстого «Сестры» // Ученые записки Вологодского педагогич. института им. В.М. Молотова. Т. 7: Филологический. Вологда, 1950. С. 197–246; *Воронцова Г.Н.* Хождение по мукам. М.: Наука, 2012. Серия: Литературные памятники. С. 400; *Ее же.* Роман в составе трилогии // Воронцова Г.Н. Роман А.Н. Толстого «Хождение по мукам» (1919–1921). Творческая история и проблемы текстологии. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 205–263). Далее на с. 84: «В этом журнале <“Современные записки”. – Прим. А.А.> после закрытия “Грядущей России” допечатывался роман “Сестры”». Как известно, роман «Хождение по мукам» не «допечатывался» в «Современных записках», а был впервые полностью опубликован. И в заключении: «После переезда в Париж и публикации в ведущих журналах романа “Сестры”...» (С. 167).

Содержание второй главы «Автомифотворчество А.Н. Толстого в 1917–1923 гг.» также представляет интерес. Объектом исследования в ней становится не только гоголевские аллюзии повести Толстого «Похождения Невзорова, или Ибикус», но и творческая история, попытка реконструировать ее замысел (С. 80). Дискуссионным является включение в § 2.1. «“Для одних граф. для других гражданин”: стратегия самопрезентации Толстого в пореволюционный период (1917–1922)» второй главы диссертации повести 1924 г. (см.: авторская датировка 26 ноября 1924 г.).

Выделяется § 2.2. «“Граф” vs. “академик”: стратегия литературной борьбы Толстого с И.А. Буниным в эмиграции», в котором предпринята попытка охарактеризовать сложные взаимоотношения между Буниным и Толстым (С. 92), однако нередко диссертант позволяет оценочные суждения, с которыми трудно согласиться, например, с интерпретацией адресованных к Толстому слов Бунина: «Оканчивалось письмо словами: “Желаю тебе всего доброго”. Здесь мы видим, как вынужденно находящийся в положении просящего, бедствующий Бунин переходит в официально-деловой регистр...» (С. 97).

В работе на основании эго-документов Чекушин В.В. убедительно доказывает свою позицию о причинах переезда Толстого в Берлин в конце 1921 г.: «Мы не можем

солидаризоваться со второй частью данного тезиса <Е.Д. Толстой. – Прим. А.А.> в полной мере. О недостаточности такого объяснения свидетельствуют письма Толстого» (С. 87).

С точки зрения источниковедения, структурных и логико-семантических связей наиболее убедительным представляется § 2.3. «Граф перед отъездом в “страну товарищей”: автомифотворчество берлинского периода». Основанный на публикации архивных материалов (Русский Берлин. 1921–1923. По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте. Париж: YMCA-PRESS, 1983), исследованиях Н.Н. Примочкиной и Е.Д. Толстой, совмещении разных точек зрения, современников Толстого и самого писателя, на возвращение в СССР, он не вызывает возражений.

Наиболее сложным и дискуссионным представляется материал третьей главы «От попутчика к советскому классику: автомифотворчество А.Н. Толстого середины 1920-х–1930-х гг.».

Ряд положений данного раздела нуждается в уточнении формулировок или обосновании:

1) В § 3.1. «На “перевале”: апелляция к пушкинскому мифу как способ закрепления в советской литературе середины 1920-х гг.» Чекушин В.В. точно замечает, что «после возвращения в СССР Толстой сразу включился в дискуссию о новом стиле советской литературы» (С. 122), но, во-первых, Толстой в то время воспринимался исключительно как попутчик и являлся постоянной мишенью напостовской и налитпостовской критики («графский титул не только в паспорте, но и в писательской чернильнице» // На посту. 1923. № 1. С. 188; писатель «новой буржуазии» // На литературном посту. 1926. № 3. С. 12); во-вторых, именно как «писатель-попутчик» он участвовал и в других дискуссиях, например, о критике (Жизнь искусства. 1926. № 21. С. 7), что требует упоминания в контексте темы диссертации.

2) В § 3.2. «От попутчика к советскому классику: “Петр Первый”» автор диссертации отмечает: «Более того, *после выхода первых глав* <Курсив мой. – Прим. А.А.> роман подвергся нападкам литературных журналов...» (С. 133). В результате анализа фактов создается более достоверная картина: публикация первой книги была завершена в 1930-м году в журнале «Новый мир» (№ 7). Первая рецензия на роман появилась в январе 1931 г. и принадлежала советскому критику Б.С. Вальбе, который назвал роман «Петр Первый» новой вехой в жизни и творчестве Толстого (Вальбе Б.С. «Петр Первый» // Красная газета (Вечерний выпуск). 1931. 20 января. С. 3).

3) Что подразумевается за фразой исследователя «как представляется, Толстой, начавший печатать своего “Петра Первого” еще в 1929 г., сумел создать зачатки исторической оптики, которая затем будет господствовать на протяжении всех 1930-х гг.»

(С. 134)? «Историческая оптика» Толстого – это труды С.М. Соловьева, Н.Г. Устрялова, Н.И. Костомарова и другие исторические источники, которые сложно представить в качестве «господствующих» в 1930-х гг.?

4) С тезисом «так, в первой книге перманентно присутствует тема заговора, важная для “высокого сталинизма”» (С. 135) также сложно согласиться, ведь конфликт Петра и Софьи, Нарышкиных и Милославских, – центральное событие истории конца XVI в., а охарактеризованные слова Петра к Лефорту как «действия “внутреннего врага”» (С. 136) – например, о «кровожаждущей саранче» – это цитата (*Семевский М.Н. Семейство Монсов. Пб., 1862*).

5) Дискуссионной является интерпретация финальной фразы романа с позиции «торгового капитализма» М.Н. Покровского: «Завершается первая книга такой фразой: “В мартовском ветре чудились за балтийскими побережьями паруса торговых кораблей”. Здесь, безусловно, отразилась ориентация автора на концепцию историка М.Н. Покровского...». С. 137. Чекушин В.В. и сам признает сложность исторической концепции Толстого («Такое изображение героя противоречит интерпретации Покровского, низко оценившего личность царя» (С. 138)), но настаивает на присутствии концепции торгового капитала: «Итак, как видно из приведенных примеров, Толстой в первой книге “Петра Первого” совместил две противоречащие друг другу концепции – Покровского, признававшего господство экономики над политикой, а, следовательно, отрицавшего роль исторических личностей, и концепцию, согласно которой личность в истории играет одну из главенствующих ролей» (С. 139). Таким образом, автор диссертации продолжает традицию восприятия романа в критике 1930-х гг. в статье Б.С. Вальбе, в выступлениях участников организованной журналом «Октябрь» дискуссии «Социалистический реализм и исторический роман» (историка Г.С. Фридлянда, в частности, говорившего: «вслед за историком Покровским, Толстой преувеличил роль торгового капитала в романе» (Октябрь. 1934. № 7. С. 207)

Безусловно, Чекушину В.В., хорошо знакомому с воспоминаниями современников по изданию «Воспоминания об А.Н. Толстом» (М.: Советский писатель, 1982), известен эпизод, описанный Львом Коганом: Толстой взял у Когана книгу Покровского (речь, видимо, идет об издании: *Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке: В 3 ч.* М.: Государственное издательство, 1920–1923) и вернул ее через неделю со словами: «И вот это мне навязывали как основное руководство! Да это же не история! Это сущеная вобла! Экономические справки могут быть полезны для романа, но живых людей, который творят жизнь, в них не увидишь» (*Воспоминания. С. 207*).

6) Сомнительны источниковедческие установки диссертанта, говорящего об «успехе “Петра Первого”», позволившем Толстому «предпринять окончательную попытку утвердить

себя в качестве одного из главных советских классиков и одновременно отразить упреки оппонентов, в частности РАППа, в “сомнительном” социальном происхождении и приверженности к “старой” дворянской культуре» (С. 142). Успех романа, совпал с началом публикации второй (!) части «Петра Первого» в журнале «Новый мир», о которой нет сведений в диссертационном исследовании, т.е. в 1933–1934 гг., когда РАПП уже был расформирован постановлением ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» 1932 г.

7) В целом, амбициозной, но совершенно невыполнимой представляется одна из задач исследования: «Выявить эстетические и идеологические факторы, способствовавшие успеху первой части романа “Петр Первый” и ставшие основой трансформации литературной репутации Толстого в советский период» (С. 21) или проанализировать «эстетические и идеологические факторы, обусловившие успех первой части романа “Петр Первый”, после публикации которого Толстой постепенно входит в пантеон советских классиков» (С. 22. См. также: Чекушин В.В. Автомифотворчество А.Н. Толстого: семантика, прагматика, контекст. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. С. 5; С. 22).

Как известно, критикой первая часть романа «Петр Первый» была встречена настороженно: «симптоматичным для попутничества» назвал роман Б.С. Вальбе, об «упущениях» Толстого писал Н.М. Иезуитов (На литературном посту. 1931. № 10. Апрель. С. 23), наиболее резкими были выпады Г.Е. Горбачева, обвинявшего Толстого в нерешительности «в выборе между подлинно материалистическим и идеалистическим художественным методом» (Ленинград. 1931. № 2. С. 122), «пахнет чем-то от Мордовцева», – писал он. Подвергся критике и образ Петра.

Избежать ошибочного утверждения помогло бы изучение периодики начала 1930-х гг., а также многочисленных интервью писателя с середины 1930-х, в которых он, признавая ошибки первой части романа и уверяя читателей и критиков в том, что не допустит их при написании второй, более монументальной (*Толстой А.Н. Полн. собр. соч.: В 15 т. М.: Гос. изд-во худ. литературы, 1948–1953. Т. 13. С. 587*), создавал автобиографический миф. Таким образом, выбранное направление исследования первой книги романа «Петр Первый» в отрыве от второй (авторская дата окончания работы: 22 апреля 1934 г.; впервые полностью опубликована в журнале «Новый мир» в 1933–1934 гг.) представляется малопродуктивным.

Без сомнения, ни эти комментарии, ни стилистические погрешности (например, наименование Толстого «автор “Петра Первого”» и Бунина «автор “Суходола”», «автор “Темных аллей”» и др.) не снижают качества проведенного самостоятельно исследования.

Чекушин В.В. справедливо отмечает наметившийся в последнее время «сдвиг в сторону попытки взвешенного анализа толстовской фигуры» (С. 8) и признает сложность решения этой задачи («усложняет ситуацию и статус Толстого как одного из главных советских классиков и мэтров соцреализма» (С.11)).

Автореферат диссертации полностью отражает содержание работы.

Диссертация является законченным оригинальным научно-исследовательским трудом, выполненным самостоятельно. Полученные автором результаты достоверны, выводы и заключения обоснованы. Рецензируемая работа соответствует основным критериям, установленным в п. 9 Положения о присуждении ученых степеней в УрФУ, а ее автор Чекушин Викентий Владимирович заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

26 октября 2021 г.

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук

121069 Москва, ул. Поварская 25 а

Тел. +7(495)697-13-87

E-mail: imli21@mail.ru

Акимова Анна Сергеевна

ОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ

ЗАВЕРЯЮЩИЙ СЕКРЕТАРЬ ИМЛИ РАН